

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.		Стр.
✓ Засѣданіе первое (22-го декабря 1867 года).....	1—3	✓ Крест. С. А. Дударева, сельские обычай въ иѣ- которыхъ мѣстностяхъ Суражскаго уѣзда Чернигов- ской губерніи.....	71—76
✓ Ст. Верковича, описание быта Болгаръ насселя- ющихъ Македонію.....	3—18		
✓ Н. Г. Керцели, о появленіи ламанизма въ Забай- кальи и о вліяніи его на бытовую жизнь Бурята- кочевника.....	18—21		
✓ Засѣданіе второе (20 апреля 1868 года).....	21—26	Засѣданіе девятое (1 ноября 1873 года).....	76—77
✓ Объ этнографическихъ трудахъ московского митро- полита Иннокентія.....	26—29	Е. В. Барсова, обзоръ этнографическихъ дан- ныхъ, помещенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдо- мостяхъ за 1873 годъ.....	77—83
✓ Іос. Калусека, обзоръ этнографической лите- ратуры о Чехахъ и Словакахъ.....	30—40	✓ Н. Г. Керцели, объ историческомъ значеніи праздника въ честь бурхана Майдори, совершаемаго Бурятами.....	84—87
✓ Засѣданіе третье (12 октября 1868 года).....	40—41	✓ Е. В. Барсова, сѣверная сказания о лембояхъ и удѣльницахъ.....	87—9
✓ Свящ. А. Примѣрова, одежда камменно-брод- скихъ Русскихъ и Мордвиновъ Пензенской губерніи.	42—44	Засѣданіе десятое (29 января 1874 года).....	91—93
✓ А. Анториковъ, Домашній бытъ маріуполь- скихъ Грековъ.....	44—57	✓ Е. В. Барсова, замѣтка изъ этнографіи сѣвери- го края.....	93—95
✓ Дополненіе къ обзору этнографической литературы о Чехахъ и Словакахъ.....	47—48	Засѣданіе одиннадцатое (19 марта 1874 года)....	95—100
✓ Засѣданіе четвертое (27 марта 1869 года).....	48—55	✓ Е. П. Добрининой, обычай хороненія Ко- стромы въ Муромскомъ уѣздѣ.....	100—104
✓ Засѣданіе пятое (9 октября 1869 года).....	55—62	✓ Н. А. Покровскаго, изъ исторіи народного двоевѣрія.....	105—108
✓ Засѣданіе шестое (12 октября 1870 года).....	63	Засѣданіе двѣнадцатое (28 апреля 1874 года)....	108—110
✓ К. А. Попова, замѣтки о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ въ Вологодской губерніи.....	64—68	✓ Е. В. Барсова, Юрьевъ день.....	110—114
✓ Засѣданіе седьмое (4 октября 1871 года).....	68	Квашнина-Самарина, о кладенскатаихъ и кладахъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ.....	114—118
✓ Н. Г. Керцели, нѣсколько словъ о мезенскихъ Самоѣдахъ.....	69—71		

и примѣчаніями, а также статья Ф. Я. Трѣйланда: «о латышской народной поэзіи» и 6 хромолитографическихъ рисунковъ, изображающихъ нѣкоторыя изъ группъ Дашковскаго этнографическаго музея. Определено: принести благодарность г. издателю и Ф. Я. Трѣйланду.

3) Предсѣдатель предложилъ Отдѣлу имѣть въ виду для III-го тома «Трудовъ» его давно уже одобренное Отдѣломъ сочиненіе К. А. Попова «О Зырянахъ и зыриискомъ краѣ», а также дальнѣйшіе матеріалы для этнографическаго изученія латышскаго племени, собранные Ф. Я. Трѣйландомъ. Кроме того предсѣдатель предложилъ не отлагать далѣе печатаніе протоколовъ прежнихъ засѣданій Отдѣла, включая въ «фны и статьи», въ этихъ засѣданіяхъ прочитанныя. Определено: немедленно приступить къ печатанію протоколовъ; относительно же печатанія 3-го тома «Трудовъ» Отдѣла снесстись съ совѣтомъ Общества.

4) Предсѣдатель сообщилъ Отдѣлу письмо С. П. Микуцкаго къ почетному члену Общества В. А. Дашкову о необходимости составленія и изданія словарей Мордовско-русскаго и Черемисско-русскаго. Определено: а) признать полезнымъ и нужнымъ составленіе и напечатаніе означенныхъ словарей, хотя Отдѣль и не вполнѣ раздѣляетъ взглядъ г. Микуцкаго на чудскія племена, и б) просить В. А. Дашкова войти въ сношеніе съ г. Микуцкимъ о способахъ къ приведенію въ исполненіе этого предложения, или же отнести въ Казанскоѣ братство св. Гурія съ просьбою о рекомендациіи ему лицъ, способныхъ взяться за такое дѣло.

5) Секретарь Отдѣла Е. В. Барсовъ прочиталъ: «Обзоръ этнографическихъ данныхъ, помѣщенныхъ

въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за текущій годъ.»

6). Непр. чл. О. Н. Г. Керцели прочелъ статью: «Объ историческомъ значеніи праздника въ честь Бурхана Майдори, совершаемаго бурятами». При семъ предложевъ былъ рисунокъ, изображающей самое торжество.

7) Секретарь отдѣла Е. В. Барсовъ прочелъ свою статью: «Сѣверные сказанія о лембоахъ и удѣльницахъ.»

Определено: статьи, упомянутыя въ параграфахъ 5, 6 и 7, напечатать въ видѣ приложений къ протоколу засѣданія.

8) Предсѣдатель предложилъ въ непремѣнныя члены Общества: профессора Московскаго университета Ф. И. Буслаева и доцента Московской Духовной академіи В. О. Ключевскаго; секретарь Отдѣла предложилъ въ члены онаго и въ сотрудники Общества Н. А. Покровскаго и г. Квашнина-Самарина. Определено: войти съ представлениемъ о непремѣнныхъ членахъ въ совѣтъ Общества, гг. же Покровскаго и Квашнина-Самарина признать членами Отдѣла.

9) Секретарь Отдѣла высказалъ мысль, что для усиленія дѣйствій Отдѣла необходимо было бы пригласить къ участію въ его трудахъ наиболѣе замѣтныхъ сотрудниковъ Губернскихъ Статистическихъ комитетовъ и Губернскихъ вѣдомостей. Определено: предоставить предсѣдателю и секретарю Отдѣла войти въ сношеніе съ лицами, занимающимися этнографіей и, по поступлениіи отъ нихъ какихъ либо статей или матеріаловъ, признавать ихъ членами Отдѣла, т. е. сотрудниками Общества.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. ОБЗОРЪ ЭТИОГРАФИЧЕСКИХЪ ДАННЫХЪ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ РАЗНЫХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЯХЪ ЗА 1873 ГОДЪ.

Не много новыхъ данныхъ принесъ настоящій годъ для исторіи народнаго міросозерцанія и суевія. Въ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ мы встрѣчаемъ молитву прелодобному Сисинію о 12 сестрахъ Иродовыхъ (№76), заклинательную молитву священно-мученика Кипріана (№ 78) и заговоръ отъ порѣза (№ 75). Матеріалы не новые, но тѣмъ не менѣе пе лишенные нѣкотораго значенія въ научномъ отношеніи. Въ молитвѣ Сисинію дочери Ирода называются себя иѣсколько иными именами, чѣмъ въ другихъ

подобныхъ спискахъ. Такъ 8-я Унеа здѣсь величаетъ себя *Пухлій*: «начнетъ подымать и шатать и тотъ человѣкъ въ онуху бываетъ»; 10-я *Коркота* «и та ручны и ножны жилы сорывается»; 11-я *Голодея*: «кого возьму, тотъ человѣкъ съ ума выступаетъ, ошалѣстъ»; 12-я *Невел* болѣе всѣхъ страшила, оканная и проглатая, силая и крѣпкая. Встрѣтились съ ниими Ангелы Господни у чернаго моря и узнавъ что они дочери Ирода царя, дали имъ оканннымъ по 1,300 ракъ и сказали: «не приходите къ роду христіанъ ко-

му, а напаче къ сему рабу Божью (имярекъ) и рабъ Божьей (имярекъ) «и паки даша имъ Ангела Господни по три тысячи в по тридесати ранъ всякой окаянной».

Заклинательная молитва Киприана—есть произведение какого-нибудь вѣдуна, который, обратившись къ христианство, рѣшился действовать, именемъ его, ко благу людей противъ всевозможной порчи и языческаго волшества. «Господи Боже сильный и держай вся! Ты вѣси, яко вся чародѣйства дѣлѧхъ и всп лукавін бѣси мнъ работаху; связываю и проклинаю вся духи лукавыя вочи злыхъ человѣкъ и сусѣдъ ближнихъ и дальнихъ и вся чародѣйства отъ раба Божія (имярекъ). Далѣе изчисляются всѣ виды, въ которыхъ проявлялось чародѣйство. «И еще молюся, рабу своему (имярекъ) и въ домъ той, въ немъ же лежитъ святая сія молитва, да разрѣшено будетъ: или на иути, или на распутіи, или въ рѣцѣ, или во источницахъ, или въ кладезѣ да разрѣшится; или въ кровли, или въ дверяхъ, или во оконцахъ, или въ верхнемъ порозѣ, или въ тинѣ, или во основѣ да разрѣшится, или во придворѣ, или во дворцѣ, или въ ходѣ, или во неходѣ, или въ дерну—стѣнѣ или на полѣ, или въ горахъ и пещерахъ и пропастяхъ земныхъ да разрѣшится; или во брезѣ или въ стремниинѣ, или въ рожѣ или въ древѣ, или въ листѣ или въ корени или вѣтви да разрѣшено будетъ; или на полѣ въ нивахъ, или во рѣбахъ, или въ ямахъ, или въ травѣ, или въ пищѣ, или въ бэнѣ, или въ капище идолъскомъ, или въ кожѣ змѣиной, или въ бровяхъ или въ волосахъ брадниковъ или во главномъ обрусе, или во обрѣзаніи когтѣхъ ручныхъ и ножныхъ, или въ кожныхъ обувеніяхъ, или въ златѣ и серебрѣ, или въ меди и свинцѣ, или въ оловѣ и железѣ, или въ лѣбѣ человѣческомъ или въ крови звѣриной, или въ кожѣ рыбной или въ животныхъ четвероногихъ земныхъ или въ летающихъ по воздуху, движимыхъ же и недвижимыхъ, или въ хартіи, въ чернилѣ и не въ которой вещи или отъ студа сотворенная да разрѣшится. Азъ разрѣшихъ и разрѣшаю, прогнахъ и прогоняю *Натауса, Пуэмаруса, Лукмилурса, Мирхананъ*. И еще проговяю имена та: *Хія, Сисахія, Елизду, Идаиль* отъ раба Божья (имярекъ) и отъ дому его, имущему молитву сию».

Заговоръ отъ порѣза — небольшой и носить на себѣ печать эпического, склада хотя и обращенъ ко Владычицѣ-Богородицѣ.

«Владычица прѣсвятая Богородица! Христа родила-себя не вредила, не слышала ни скорби, ни великихъ ранъ. Такъ и у раба Божія (имярекъ) боль утиши, кровь останови, —

Въ ночь при мѣсяцѣ,
Въ день при солнушкѣ,
При частыхъ звѣздахъ,
При буйныхъ вѣтрахъ».

Заговоръ для властей любопытенъ въ томъ отношеніи, что крестьянинъ подступаетъ къ власти въ сопровожденіи Георгія на конѣ п Михаила Архангела съ прашеніемъ... «Есть на семъ свѣтѣ мнѣ день, читається въ заговорѣ, и въ онъ начнуть меня любити князи и бояра и суды и вельможи. И есть на семъ свѣтѣ рѣка Лукозаръ и на той Лукозарѣ есть камень літаръ, у того вамени стоять древо плотно и не гнюще и около того древа вѣтется хмѣль накрѣпко, и такъ бы вился тотъ рабъ Божій (имярекъ) во мнѣ крѣпко ва крѣпко». Заговоръ этотъ сопровождается указомъ, какъ итти ко властямъ: взять съ берега воды въ ставецъ, да учни говорить надъ водою платкомъ навривая, да положить въ ту воду комѣку, а какъ пойдешь ко власти да тою водою умойся, а ту комѣку положи за щеку, да ты на власть заглядывая, на землю не плюй (№ 35).

Между крестьянами Зарѣчной стороны, Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи держится извѣстное повѣрье, что къ женщинамъ лишившимся мужа летаетъ огненный змѣй и обольщаетъ ихъ. Чтобы избавить несчастную отъ тоски и наважденія этого змія, захватываютъ ее въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ и бьютъ до тѣхъ поръ, пока покажется кровь (№ 35 Влад. Губ. Вѣд.). Въ Симбирскѣ въ подобныхъ случаяхъ вѣкаютъ въ порогъ и во всѣ щели избы траву *мордвинникъ* и читаютъ заклятье:

„Какъ мертвому изъ земли не вставать,
„Такъ и тебѣ ко мнѣ не летать.
„Утробы моей не распалиять,
„А сердцу моему не тосковати.

«Заговоромъ я заговариваюсь, железнымъ замкомъ запираюся, каменнымъ тыномъ ограживаюсь, водой ключевой прохлаждаюсь, пеленой Божьей Матери покрываюся» (Ср. Великор. закл. Л. Майкова, стр. 161).

Изъ другихъ суевѣрныхъ обычаевъ обращаетъ на себя вниманіе у жителей Боевскаго поселка, въ 30 верстахъ отъ Воронежа, обычай погруженія попа въ воду. По окончаніи молебствія на полѣ молящіяся берутъ своего священника подъ руки и погружаютъ его во всемъ облаченіи въ рѣкѣ или озерѣ. По ихъ понятіямъ, чрезъ это Богъ пошлетъ дождь и намочить землю такъ, какъ они намочили священника. Впрочемъ молодые священники отказываются принимать подобныя ванны на вольномъ воздухѣ, что очень огорчаетъ стариковъ, которые относятъ плохіе урожаи послѣднихъ лѣтъ именно къ тому, что перестали купать священниковъ.

Среди множества святочныхъ извѣстныхъ уже гаданий въ Зарѣчной сторонѣ Муромскаго уѣзда держится между прочимъ «опусканіе омы въ колодезь и измѣреніе амбара локтями». Амбаръ мѣряютъ такъ: отъ низу амбара протягиваютъ руку кверху, на эту руку

кладутъ другую руку въ т. д. приговаривая: ниже, выше, ниже, выше... У которой дѣвицы рука будетъ выше, та станетъ въ высокихъ хоромахъ жить; а у которой ниже, та въ бѣдной избушкѣ. Опусканіе огня въ колодезь происходитъ такимъ образомъ: зажигаютъ личину, слушаютъ ее въ колодезь и смотрятъ, какъ она горитъ; если ярко горитъ, то женихъ будетъ богатый; если же вовсе не горитъ, то бѣдный.

Свадебные обряды, описанные отъ части въ газетѣ «Донъ» (№ 70) и отчасти во Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ не представляютъ ничего особенного отъ того, что уже известно объ этомъ предметѣ. Стоитъ развѣ вспомнить здѣсь обычай *величанія жениха невѣстою* у крестьянъ Подольской волости. Когда невѣсту приводятъ въ баню,—она ложится на полокъ; подруги ей берутъ въ руки вѣники, мочалки и жгуты и начинаютъ бить невѣсту приговаривая: «величай жениха.» Невѣста, по принятому обычаю, не смотритъ на то, что ее бьютъ, нѣсколько времени отказывается называть жениха по имени и отечеству и называетъ кого нибудь другаго и затѣмъ уже обращается къ *величанію своею суженаго*.

Этотъ обычай, очевидно, указываетъ на то время, когда невѣсту брались захватомъ и вѣнцемъ силой вынуждалось ея расположение къ чужому чужаку.

На иныхъ и чисто свободныхъ, нравственныхъ отношеніяхъ невѣсту къ жениху указываетъ обычай сватовства—у Боевцевъ, Воронежской губерніи, хотя этотъ обычай совершается въ новѣйшей народной формѣ.

Въ Воронежской губерніи отецъ или родственникъ съ двумя или болѣе близкими, взявъ съ собою полу-штофъ водки, идутъ въ избранное для сватовства място. Пришедши ставятъ на столъ водку и говорятъ: «будете ли пить водку или нетъ?» Тогда родители спрашиваютъ невѣсту: *пить водку или нетъ?* Если невѣста скажетъ: «*а мнѣ щожъ, пейте*», значить она согласна выйти замужъ за предлагаемаго жениха. Если же скажетъ: «*ни, ни,—не пейте*», то значитъ не нравится женихъ и она не согласна выйти за него. Въ послѣднемъ случаѣ принесши водку, взявъ назадъ со стола полу-штофъ, отправляются въ другое място. При согласіи же невѣсты, распивая принесенную водку, начинаютъ толковать о приданомъ, которое берется не съ невѣсты, а съ жениха. Съ приближенiemъ времени къ свадьбѣ, будущіе свекровь и свекровка, взявъ съ собою невѣсту, отправляются въ Воровскъ, гдѣ по мясному выражению, откармливаютъ ее разными лакомствами дни два или три, и за тѣмъ *откармленную* невѣсту доставляютъ въ домъ родителей. Невѣста, какъ и вездѣ до свадьбы причитаетъ, во здѣсь для этого она всего чаще удалается въ какое нибудь уединенное място, въ огородъ вербы, въ ригу и т. п.

Изстаринная борьба между родами изъ-за невѣсты здѣсь продолжаетъ бытовать въ той же формѣ, какъ и обычай сватовства. Въ день свадьбы передъ вѣнцемъ невѣсту изъ кѣти приводятъ въ взбу и садить рядомъ съ женихомъ; при этомъ гостей размѣщаются такъ, чтобы родные жениха сидѣли прямо противъ родни невѣсты. Съ той и другой стороны здѣсь начинается споръ чье вино пить: *невѣстино или женихово*. Обѣ стороны обыкновенно не уступаютъ другъ другу, и вотъ подается заранѣе приготовленное *погоженіе*; за одинъ конецъ его берутся родные жениха, а за другой родные невѣсты и черезъ столъ начинается *перетяжка*; успѣхъ всегда остается на сторонѣ родныхъ жениха: невѣстина вода убирается, а женихову начинаютъ пить.

Обрядный свадебный пѣсни (записанные впрочемъ въ одной подольской волости Владимірской губерніи) мало даютъ данныхъ, восходящихъ къ эпической эпохѣ.

Любопытно въ одной пѣснѣ изображеніе нравственнаго состоянія молодца, который задумалъ жениться. Онъ ходить не весело, гуляетъ нерадостно, повязалъ свою голову тафтою зеленою и увилъ ее лентою ливово. Мать это замѣтила и спрашиваетъ, — что съ нимъ случилось?

„Родимая матушка! отвѣчаетъ онъ.
Къ чему веселитися?
Всѣ мои товарищи,
Да всѣ пережилися.
Одинъ у васъ, матушка,
Холостъ—не женатъ хожу“.

Нѣкоторыя пѣсни прямо указываютъ на свободный выборъ жениха невѣстою:

Какъ у Ирины была матушка
И добра и ласкова;
Посыпала она свою дочь
Изъ новыхъ сѣней во горницу и говорила:
„Выбирай-ко мое, дитятко,
Изъ чиновъ-то ты чиновника,
Изъ бояръ-то ты боярина,
Изъ приказныхъ-то приказнова,
Изъ купцовъ-то купчика,
Изъ хресянъ-то ты хресянина.“

Дочь отвѣчаетъ:

Не нашла я лучше, матушка,
Лучше чину-то хресянскова
Лучше Федора Ивановича.

На такой же свободный выборъ сумевшаго указываетъ и другая пѣсня, въ которой подруги упрекаютъ невѣсту, зачѣмъ она прельстилась и выходить замужъ.

Ты злодѣй-злодѣй измѣница,
Измѣница красна дѣвица;
Говорила, что замужъ нейду
Говорила: не подумаю.
А теперечи за мужъ идешь.

На чого ти такъ прельстилася?
На орѣхи лъ, на пранички,
На изюмъ ли—сладки ягодки?
На какова ты прельстилася?
На дурнова, не хорошава,
На сутулава, горбатаго,
На вѣсастава, глазастова.
На горбу-то птица гнѣзда вѣтъ,
На носу-то грыбы выросли,
И на саму-то горьчу пьянницу.

Подобное же нравственное отношение сказывается въ одной пѣснѣ и жениха къ невѣстѣ.

Ты не плачь, не плачь Иринушка,
Ты не плачь да свѣтъ Ивановна!
...
Я солью тебѣ чашу золоту,
Чашу золоту стъ офицістами;
Ужъ и буду я соловьевъ въ саду
Ужъ и буду я утѣшать тебя

Изъ пѣсенъ свадебныхъ укорительныхъ—обращающіеся на себя вниманіе—пѣсни къ свахѣ и свату.

У насъ сваха-то прядлива,
Въ чашу по ниточкѣ водили.
Что денекъ то простенекъ,
А въ недѣлю навитокъ;
Что годокъ то мотокъ,
Мутовильцо стъ локотокъ.
У насъ сваха рукодѣльна,
И поставила кросна
Имъ девятая весна;
На коклюшкахъ, на подножкахъ
Трава выросла;
На простѣти-то наскѣдка
Цинчить вѣсѣлья,
Семь-свѣтъ молодокъ
Девяносто кочетовъ.

Къ свату:

Ужъ какъ свату-то своднику,
Лихорадка ему съ хворостью;
На печи лежать подъ шубой,
Умереть ему безъ ладона,
Схоронить его безъ савана,
Положить его поверхъ земли;
Кто ни пойдетъ, запинается.
Всякъ надъ сватомъ надругается..

Указанія на нѣкоторые похоронные обычай встрѣчаются во Владимирахъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (№ 35). Лишь только начнется съ умирающимъ предсмертная агонія, сейчасъ же тащать его съ печи подъ образа; затепливаютъ свѣчу и ждутъ, когда кончится «хоробрица», такъ называется здѣсь послѣднее предсмертное хрипѣніе. Чтобы покойникъ или, какъ его называютъ здѣсь, родитель еще кого-нибудь не выглазывалъ, глаза его скорѣе закрываютъ мѣдными деньгами, избу, гдѣ онъ лежитъ, не метутъ до выносу: «если, говорить, тотъ покой вымести, всѣхъ изъ дома вымести»; по выносѣ же тотчасъ подъ подмываютъ вѣн-

какъ говорить, вымѣсяютъ смерть изъ избы. Если кто изъ сосѣдей провожалъ покойника до могилы, тотъ, возвращаясь назадъ, непремѣнно долженъ зайти въ избу, гдѣ лежалъ покойникъ, и погрѣть руки у печи, чтобы не зачести домой сѣрти. Если у покойника нѣтъ родныхъ, которые могли бы оплакать его, то Боецъ Воронежской губерніи въ складчину нанимаютъ плакальщицъ, большую часть за полуышто съ водки, которая, идя за гробомъ, голосьять, пересчитывая хорошія черты изъ жизни умершаго (Донъ № 70).

Обратимъ далѣе вниманіе на нѣкоторыя явленія народнаго обычнаго права.

Въ Муромскомъ уѣздѣ—Владимирахъ губерніи, лѣтъ б тому назадъ, существовалъ слѣдующій юридический обычай. Женщины, заспавшихъ младенцевъ, посыпали въ церковь на стояніе. Придя съ женщиной въ церковь, пошь ставилъ ее по срединѣ, очерчивалъ около нея кругъ и не приказывалъ ей оглядываться назадъ, а все молиться Богу. Сдѣлавъ это, онъ уходилъ, замыкалъ церковь и оставлялъ женщину наединѣ. Можно себѣ представить положеніе здѣсь напуганной и суевѣрной крестьянки! Выдержавшія такой искусъ много страстей рассказывали потомъ своимъ со-сѣдямъ (Владимир. Губ. Вѣд. № 35).

Инаго рода мѣры принимались на Дону, въ Казаинской станицѣ къ искорененію преступленій. Кроме та-гилевки—или станичной тюрьмы здѣсь были въ ходу гоньба по улицѣ, такъ называемый *маіръчъ и обдираніе*. Гоньбою по улицѣ наказывали за воровство и прелюбодѣяніе. Ворамъ связывали руки и все имъ украденное навязывали имъ ва шею; прелюбодѣевъ же связывали рука съ рукою и въ такомъ впѣдѣ водили по улицамъ, били, узвѣчили и при этомъ стучали въ заслонки, кадушки и т. п. *Маіръчъ* или покупка вина всему собравшемуся обществу назначался всего чаше. Если же виновный сачъ не соглашался на это, то общество обдираво его, т. е. насилино снимали съ него платье, шапку, сапоги и закладывали кабатчику или продавали тутъ же съ аукціона желающимъ изъ присутствующихъ. При искахъ и тяжбахъ, какъ въ прежнее времена, такъ и теперь бывають случаи, что судъ рѣшаєтъ *ирпѣхъ пополамъ*, т. е. опредѣляетъ платить отвѣтчику только половину той суммы, которая съ него ищется (Донская Область. Вѣд. № 40). Эта обычная существуетъ и въ Сибири у Яхтышскихъ казаковъ (Тобол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 45). Та же особенность упоминается еще въ эпическихъ пѣсняхъ. Такъ Ильч Муромецъ говоритъ своему крестному отцу:

„Батюшка крестный Самсонъ Самойловичъ!
„Покажи ты половину грѣха на меня!
(Рыб. III, стр. 110).

Изъ судебныхъ доказательствъ обычнаго права обращаетъ на себя вниманіе *«челованіе преступникомъ»*

дуга у заряженного ружья со взвешенным куркомъ». Если преступникъ неизвѣстенъ, то въ наказаніе ему ставятъ обидящую сечу: это обыкновенная свѣча, только ставится она комлемъ сверхъ; въ этомъ случаѣ, говорить, загорится совѣсть, у преступника. Для подобного же наказанія вора, лоскутокъ украденной вещи (если только сохранился) относятъ въ кузницу и кладутъ въ мѣхъ: тотъ, кто украдъ, говорить, станетъ пухнуть, раздувать его будеть подобно мѣху, не проживетъ году, неизрѣйно умретъ.

То же самое случится, если часть украденного бросить подъ жернова мельницы.

На самоубийство народъ смотритъ, какъ на наважденіе нечистой силы. Стоитъ только задумать наложить на себя руки,—нечистые не дадуть отстать отъ этой мысли: они будутъ ходить всюду и постоянно побуждать на преступленіе. Стоитъ надѣть на шею петлю,—въ они тотчасъ навѣшаются со всѣхъ сторонъ въ видѣ кошекъ, собакъ, зайцевъ и уже не выпустятъ изъ нея.

Дѣтей, по народному выражению, запьдаютъ еще въ утробѣ матери. Обыкновенно дѣлаютъ для этого настой на водкѣ изъ какихъ-то кореньевъ. Но чаще употребляютъ ртуть. Ее растираютъ на рукѣ и лижутъ языкомъ. Отъ этого прежде всего разстраивается пищевареніе, появляется слюнотеченіе, нагноеніе глазъ, а затѣмъ извергается и плодъ. Пьютъ также суплему на водкѣ или водѣ. При этомъпускаютъ въ ходъ и суевѣрныя средства. Моятъ рубаху, снятую во время менструаций, и воду, въ которой моютъ, отмываютъ на руку съ разными приговорами, или же наливаютъ эту воду въ какую нибудь посуду и зарываютъ въ землю, или варятъ на ней кашу и подаютъ, или мысятъ на ней мину и обмазываютъ ею печку изнутри, или наконецъ лютъ ее въ баню на каменку. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ,—говорить,—на каменку или въ печкѣ слышится крикъ дѣтей.

Въ некоторыхъ губернскихъ вѣдомостяхъ встрѣчутся еще любопытныя свѣдѣнія о жизни и бытѣ раскольниковъ. Таковы напр. данные о Федосьевцахъ мѣстечка Городецъ, Новгородской губерніи. Эти раскольники, но замѣчанію Новгородскихъ губернскихъ вѣдомостей тщательно наблюдаютъ, чтобы уши у селянъ на иконахъ изображаемы были язвительно; иначе молитвы, приносимыя предъ ними, не будуть услышаны. Иные изъ нихъ не клянятся иконамъ, на которыхъ изображеніе какія нибудь безсловесныя животныя. Вѣрють, что молитва, приносимая замаранными руками, не дойдетъ до неба. На молениахъ мушки снимаются съ себя кушаки, чтобы, какъ они говорятъ, кадильный дымъ безпрепятственнѣе проходилъ въ пазуху и благодать, въ немъ состоящая, могла бы свободнѣе проникать въ сердце. Наставникъ кадитъ предъ каждымъ молящимся и говорить: «Духъ

Святый и сила Вышию освнитъ тя». Предстоящій хватаетъ руками дымъ кадильный и шепчетъ: «и наставитъ мя на землю праву».

Старообрядцы г. Черкасъ, Кіевской губерніи, приводятъ слѣдующее мнимое пророчество противъ курительного табаку:

И настанутъ вѣки
И народятся человѣки
Во мѣсто кадила,
Будуть употреблять табачное курilo,
И молися Богу,
Станутъ отточиривать все ногу.

Нюхать табакъ, по ихъ понятію, еще омерзительнѣе, нежели курить. По этому поводу рассказываютъ слѣдующее преданіе. Іуда Искаріотскій, ростившій и продававшій табакъ никателльный, продавалъ его лептою дешевле, чѣмъ курительный съ тюю именно цѣллю, дабы уступкою осквернить и погубить больше народа.

Псалмы, которые поются раскольниками за рукоѣльемъ, не лишены характера народнаго творчества и отчасти знакомятъ съ основнымъ внутреннимъ настроениемъ раскола. Въ Новгородскихъ Вѣдомостяхъ приведены три подобныхъ пѣсни.

Псалтыма о ключѣ церковномъ.

Идеть старецъ по пустынѣ
И самъ слезно плачетъ.
Попадаетъ на встрѣчу самъ Господь:
— Што ты старецъ плачешь?
„Какъ мнѣ Господь не плакать;
„Со юладихъ лѣтъ постригся я,
„Одолѣли худы мысли и дѣла;
„Потерялъ я ключъ церковный.
— Старецъ! въ пустынѣ возвратися,
— Съ усердіемъ Богу ты молися.
— У сиянія моря становися.
— Сине море всколыхаетъ,
— Рыба ключъ тебѣ взрываетъ,
— На кругой бережокъ,
— На зеленой песочкѣ,
— На траву зелену.

Кто эту псалтыму услыхаетъ
И трои въ день пропѣваетъ,
Тотъ будетъ рабъ спасенъ,
Грѣхи его убоятся, убудутъ.

Псалтыма о пустынѣ.

Господи! построй пустыню
Не въ пути, въ дорогѣ,
Въ юхрѣ—болотѣ,
Такъ молился старецъ въ кельѣ,
Горячо и слезно плакалъ.
Народился зѣръ нечистый.

Вы рабы—рабыни!
Можете—живите,
А не можете—бѣгите
Въ горы и пещеры.
Заметайтесь метлами,
Засыпайтецца цескими!

Любопытно совершенно эпическое изображение чамаго ложа Авраамова.

„А и прѣйду я отъ сего житія,
„А и возмутъ ангели, архангели
„Мою душеньку на воскрішахъ
„И пранесутъ ко Аврааму.
„У Авраамія храмина свѣтлая.
„Отче нашъ за столомъ сидѣть,
„Матерь Божья подъ окошечкомъ
„Пророцы, мученицы, праведницы по лавочкамъ.
„Самъ Авраамій на ложѣ возлежитъ,
„Іисусъ Христосъ въ головахъ сидѣть,
„Ангели, Архангели, Херувими и Серафими
„Всюду и обовду.
И глаголетъ Авраамій ми грѣшному:
— Пріяди чадо ко мнѣ Авраамію
— Добрѣ житіе провождаль еси;
— Мѣсто злачно ти уготовано;
— Самъ я Авраамій подвинулся
— И тебя возложу за собою
— На леже мое на злачное

Наконецъ намъ остается коснуться инородческаго населения.

Въ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ — въ статьѣ «Корель, его бытъ и занятія» (№ 7) между прочимъ говорится, что Лодейно-Польскій уѣздъ у корельскихъ крестьянъ называется «Русью». *Корелу на сельти природа не терпитъ.* Этой поговоркой выражается то, что русская колонизация, идущая по берегамъ озеръ и рекъ, оттиснула кореловъ или на бесплодный горный країжъ, или же въ дикие новѣнціе ихъ и болота, Въ характерѣ кореловъ есть упрямство, устойчивость въ нравахъ, нелегко поддающаяся чужому влиянию, что также подмѣчено въ поговоркѣ, которую дразнятъ кореловъ: *корела, корела, три юда юръла, а не вытуръла!* Въ корельскихъ деревняхъ Повѣнѣцкаго уѣзда донныѣ въ величайшемъ употребленіи обрядъ *«прощенія».* Всякой малѣйшей, какъ и всякой величайшей неудачѣ или немочи тотчасъ же пріискивается причина въ кругу согрѣшенній передъ столомъ, печкой, веретеномъ, рукомойникомъ, хлѣбомъ и т. п., и потерпѣвшая неудачу тотчасъ спѣшить къ тому или другому изъ этихъ предметовъ, низко кланяется и говоритъ: *«прости меня печенька, рукомойничекъ»* и т. п.

Не удивительно, что вполнѣ правдива о нихъ пословица, *«въ лесахъ живутъ, такъ нию и покланяются»* (№ 13).

Но самыя важныя и любопытныя данные встрѣчаются въ Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ относительно сибирскихъ инородцевъ финскаго, самоѣдска-

го и монголо-туркскаго происхожденія (№№ 25, 26, 27, 33, 34).

Мы остановимся только на однихъ южныхъ Алтайцахъ и притомъ на однихъ свадебныхъ обрядахъ, полныхъ мѣстной поэзіи.

Сватовство совершается здѣсь такъ:

По прибытіи въ юрты, одинъ изъ сватовъ становится на колѣни предъ отцемъ невѣсты и говоритъ слѣдующую рѣчъ:

„Я пришелъ, преклоняя колѣна предъ порогомъ твоимъ;
„Я пришелъ, кланяясь зверѣ твоей.
„Я пришелъ и радуюсь твоему житію-бытью,
„Я пришелъ головы просить.

«Пусть сватовство будетъ подобно щекамъ не разлучающимся; пусть будетъ оно, какъ желѣзная кольчуга съ воротникомъ не разрывнымъ, пусть будетъ родство между нами, подобно слоямъ бересты; пусть будетъ оно какъ шелковый шовъ.

«Я пришелъ просить черенъ для ножа, у которого его нѣтъ. Назадъ тому девять лѣтъ войны была. Я пришелъ заключить миръ. Какой отвѣтъ дадите?»

Говоря это, сватъ продолжаетъ стоять на колѣнахъ и держать предъ отцемъ трубку; другой же сватъ держать въ это время зажженный древесный трутъ, чтобы тотчасъ же зажечь табакъ, если отецъ невѣсты протянетъ руку къ трубкѣ. Это вѣрный знакъ, что предложеніе принято и сватовство непремѣнно состоится. Въ такомъ случаѣ отецъ невѣсты, обращаясь къ первому свату, говоритъ:

„Глазъ мой глубокъ и живетъ мой широкъ».

Сватъ на все въ нереговорахъ соглашается и *«трубка мира и согласія»* закуривается. Другіе сваты, стоявшіе доселѣ неподвижно,— тотчасъ проворно начинаютъ подносить большие кожаные сосуды съ кумысомъ и виномъ. Затѣмъ начинаются пирушки какъ у жениха, такъ и у невѣсты.

Чрезвычайно любопытны обряды при перѣѣздѣ невѣсты къ жениху. Кроме благословенія родительскаго въ этомъ случаѣ она напутствуется еще благословеніями семи избранныхъ старцевъ.

Поклонившись въ землю предъ домашнимъ очагомъ, на которомъ въ это время долженъ горѣть огонь, невѣста падаетъ въ ноги отцу и матери и говоритъ:

„Очи богатаго Ульгена да видать мене!
„Солнце и Луна! Вамъ голова моя!
„Семь старцевъ! благословите меня!

Выходитъ первый старецъ и низводить на нее благословеніе свѣта:

„Да коснутся тебя очи Господа Бога! говорить онъ.
„Да пріадеть на тебя благословеніе старого человѣка!
„Спереди тебя пусть мѣсяцъ свѣтить,
„Свади пусть солнце освѣщаетъ!

Затѣмъ выходитъ второй старецъ и низводить благословенія на домъ ея:

„На высокомъ мѣстѣ поставь домъ твой!
„Шлотно утвердится доможительство твое!
„Пусть жилье твое будетъ красиво!
„Каменный таганъ твой пусть будетъ крѣпокъ!
„Огнь твой пусть будетъ неугасимъ!

Третій старецъ призываетъ на нее во всемъ полное довольство:

„Стойбище твое пусть изобилуетъ пепломъ;
„Какъ толокно, пусть будетъ зола у тебя!
„Земля тобою покираваемая пусть будетъ тверда!
„Мѣсто жительства твоего пусть будетъ согрѣто!
„Мѣстохожденіе твое пусть будетъ исполнено веселья.

Четвертый старецъ призываетъ благословенія многолѣтія и многочадія:

„Жизнь твоя пусть будетъ продолжительна;
„Лѣта твои да будутъ безконечны:
„Сто лѣтъ живи и здравствуй.
„Улы твой пусть будетъ веселья,
„Мисль твоя да будетъ свѣтла.
„Подобно тальнику, разѣтвляясь, разростайся;
„Какъ многостеблистое просо становись;
„Умножайся больше овцы многоязычной,
„Мисься больше глухаря многочаднаго!

Пятый старецъ надѣляетъ благословеніями скотъ ея:

„На переднія поля твои чтобы дѣти наступали,
„За подоломъ сзади пусть скотъ гонится;
„Трехлѣтнія кобыли твои пусть жеребатся;
„Четырехлѣтній скотъ твой пусть плодится;
„Что только родится, пусть живеть и плодится!
„На холмистыхъ мѣстахъ паси скотъ твой;
„Хотя бы гдѣ и нельзя получать прибыли, получай;
„Хотя бы гдѣ и нельзя изловить зѣвра, изловляй!

Шестой старецъ:

„Щекастому не будь предана на злословіе;
„Щечистому будь неодолима!
„Противъ наступающаго на тебя будь крѣпка, какъ желѣзо;
„Съѣденная тобою пища пусть будетъ питательна!
„Хлѣба-соли пусть будетъ у тебя много!
„На бѣгунахъ ѳзи;
„Коинъ твои да не знаютъ устатка!
„Спина твоя и руки да не болятъ,
„Подмышки твои пусть не ноютъ!

Старецъ седьмой:

„Богъ твой да укрѣпитъ тебя!
„Да умножится потомство въ слѣдовавшемъ за тобой:
„Создавъ чадъ твоихъ въ красотѣ наследственной,
„Къ блаженству ихъ пусть еще прибавить блаженства!

По окончаніи этого обряда, невѣста отправляется къ жениху; ее сопровождаютъ два молодыхъ человѣка; у каждого изъ нихъ въ рукахъ по небольшой березкѣ и къ нимъ прикрѣплена занавѣска: они ёдутъ

по обѣимъ сторонамъ невѣсты, держа предъ нею занавѣску; въ теченіе пути невѣста не должна видѣть ни дороги, ни новой юрты жениха прежде, чѣмъ войдетъ въ нее.

Прибывъ на мѣсто, она прежде всего кланяется огню, кладеть въ него кусокъ мяса и кусокъ масла и затѣмъ брыжжеть на огонь брагой въ водѣ жертвоприношенія.

Опуская изъ виду брачные пиры,—остановимъ вниманіе на свадебныхъ Алтайскихъ пѣсняхъ.

1.

Зѣврь, не находя свое дитя,
Въ сокрушеніи дни проводить;
Взлѣтѣнное свое въ люди выдавая,
Отецъ въ слезахъ проводить дни;
Ковель, не находя своего козленка,
Въ томлѣніи ходя, дни проводить.
Нѣжное свое въ люди отпуская,
Мать въ слезахъ проводить дни.

2.

Ходилъ я, ходилъ по бѣлому камню;
Трешины въ бѣломъ камѣ не нашелъ.
Выбиралъ я, выбирая по роду;
Ахъ, красивѣе тебя не нашелъ.
Ходилъ я, ходилъ по синему камню,
Щели въ синемъ камѣ не нашелъ.
Выбиралъ я, выбирая изъ многихъ,
Теба умнѣе не нашелъ.

3.

Гусь мой! Куда ты машешь,
Утомлѧ мышцы крылья своихъ?
Сердечный мой! Куда идешь ты,
Обожженное сердце мое обжигая?
Лебедь мой! Куда машешь ты,
Утомлѧ мышцы вертулоковъ твоихъ?
Утѣха моя! Куда идешь ты,
Опаленное сердце мое опаляя?

4.

Когда былъ у меня Балынъ-богатырь, носила я шубу
Канфовую съ золотымъ воротникомъ;
Не стала боярина моего, стала я носить,
Какой и рабы не носятъ—бѣдный кожанъ!
Когда былъ мой бояринъ, Ѳла я хлѣбъ,
Китайское просо я Ѳла!
Не стало моего боярина, Ѳъмъ хлѣбъ мой
Какого не Ѱдять рабы—крупу истолченную.
Балынъ-богатырь былъ статный, красивый собою;
Постель моя съ нимъ была полна утѣхъ;
Кладовны мои были полны богатствъ.
Лебеди не смѣли сѣсть на его озеро,
Теперь прокорливыя вороны будутъ садиться.
Лиходѣи мои не смѣли подходить близко.
Теперь придутъ и скажутъ: все, что есть, наше!
Гуси не смѣли садиться на его озеро;
Теперь нечистыя вороны будутъ садиться;
Люди, близко подойти не смѣвшіе,
Мнѣ скажутъ: „И ты наша“,
А твой Балынъ-богатырь въ Иртышѣ.